

II.

И С Т О Р І Я.

ОПИСАНІЕ БЛОКАДЫ НИЗОВАГО УКРѢПЛЕНІЯ

въ 1843 году (*).

(Составл. майоромъ Пѣхот. Геп. Фельдм. Кн. Варшавскаго
Графа Паскевича-Эриванскаго Полка, Бабаповымъ).

Командуя 4-ю гренадерскою ротою въ 3-мъ баталіонѣ Пѣхотнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго Полка, я находился, почти весь октябрь мѣсяцъ 1843 года на Сулакской линіи, въ вѣдѣніи начальника

(*) Низовое укрѣпленіе находилось близь берега Каспійскаго моря, въ Сѣв. Дагестанѣ, близь Тарковъ. Нынѣ оно уже не существуетъ; а въ замѣнъ его сооружено укрѣпленіе Петровское, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ лагерь Петра Великаго, въ 1722 году.

оной, подполковника Евдокимова (*), а въ началѣ Ноября былъ откомандированъ обратно къ своему баталіону. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, временно-командующій войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, полковникъ Майборода (**), отправилъ меня съ ротою въ Низовое укрѣпленіе, возложивъ на меня обязанность взять конный транспортъ лѣваго фланга Кавказской линіи, черводарскихъ (***) лошадей и доставить на нихъ изъ магазина Низоваго укрѣпленія, какъ можно скорѣе, провіантъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Того же числа я выступилъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, и на другой день, 8-го Ноября, въ 6 часовъ утра, былъ уже въ Низовомъ укрѣпленіи. Здѣсь, воинскій начальникъ, Лицейнаго № 12 баталіона поручикъ Стояновъ, объявилъ мнѣ, что онъ посылаетъ донесеніе господину Командующему войсками о волненіи Шамхальцевъ, и что жители города Тарку писали уже Шамилю, обѣщая драться противъ Русскихъ, лишь бы онъ пощадилъ дома ихъ отъ разграбленія. Прибытіе въ этотъ день казаковъ съ Буйнакскаго поста раскры-

(*) Былъ полковникъ и командиръ Дагестаискаго Пѣхотнаго Полка.

(**) Командующій войсками, Генералъ Клюки-фонъ-Клугенау былъ въ то время, съ Генералъ-Лейтенантомъ Гурко, подъ Гергебилемъ.

(***) Т. е. наитыхъ у мѣстныхъ жителей.

ло мнѣ положеніе дѣлъ еще яснѣе. Жители селенія Буйнакъ объявили имъ, что ежели они еще сутки пробудутъ на своемъ посту, то непременно будутъ изрублены; что они не ручаются даже и теперь за ихъ безопасность, если поѣдутъ по большой дорогѣ; а потому казаки посѣщили выѣхать оттуда и направились камышами въ Низовое укрѣпленіе.

При такихъ обстоятельствахъ, понимая вполне важность возложеннаго на меня порученія и поспѣшность, съ которою оно должно быть исполнено, я и Куринскаго Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Болотниковъ, состоявшій въ конномъ и воловымъ транспортѣ, предложили, 9-го ноября, воинскому начальнику, чтобъ онъ, не ожидая прибытія комиссіонера (*), отъ котораго слѣдовало принять провіантъ, отпустилъ бы безъ вѣсу количество муки, могущее помѣститься на приведенныхъ транспортахъ, чтобы на другой же день я забралъ непереvezенный еще съ рейда провіантъ до 700 четвертей, и отправился бы оттуда прямо въ Шуру. Но уже было поздно. Еще ночью на 10-е число были слышны выстрѣлы въ сторону Каспійскаго Моря, гдѣ былъ караулъ (**) отъ

(*) Комиссіонеръ нахолился по дѣламъ службы въ Шуру.

(**) Караулъ этотъ состоялъ изъ 15 человекъ рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, и весь погибъ тамъ, кромѣ двухъ раненыхъ солдатъ, явившихся утромъ.

4-й линейной роты, при казенныхъ складахъ провіанта, инженернаго инструмента и проч.; потомъ видѣнъ былъ пожаръ этихъ складовъ, а утромъ загорѣлась и Туралинская-Ватага, бывшая въ 15 верстахъ отъ Низоваго укрѣпленія. Утромъ же 10-го числа, огромныя толпы Лезгинъ съ разныхъ сторонъ стекались къ рейду, а дымъ въ зданіи упраздненной крѣпости Бурной (*) извѣстилъ насъ, что непріятель зажегъ и ее. Теперь ясно было, что со 100 человѣками рядовыхъ, составлявшихъ ввѣренную мнѣ роту, нельзя доставить такого огромнаго транспорта въ Темиръ-ханъ-Шуру, а рисковать значило безъ пользы терять людей и ослабить гарнизонъ Низоваго укрѣпленія. Въ такомъ положеніи я рѣшился остаться и защищать его до послѣдней крайности. Около 8 часовъ утра прибылъ въ Низовое укрѣпленіе прапорщикъ Ходжаевъ, съ командою егерей Кабардинскаго полка (**); онъ доставилъ мнѣ предписаніе господина Командующаго войсками, по которому я долженъ былъ съ ротою остаться въ Низовомъ, а прежнее порученіе передать ему. Порученіе это, какъ я уже сказалъ, нельзя было исполнить: оставалось только укрѣпиться въ цитадели.

(*) Два солдата, бывшіе тамъ въ караулъ, пропали безъ вѣсти.

(**) Съ этою командой явились два Кизлярскіе купца, спасшіеся во время разграбленія хищниками рейда.

Цитадель эта имѣла въ квадратѣ не болѣе сорока сажень. Она вооружена была двумя крѣпостными орудіями, поставленными на переднемъ фасѣ и на курганѣ въ задней части укрѣпленія. Съ утра 10 числа принялись за исправленія и перепоску въ цитадель дровъ на случай осады, а также занялись приготовленіемъ къ сожженію зданій форштата, откуда нижніе чины 4-й линейной роты, съ своими женами и имуществомъ, переходили въ цитадель.

Въ цитадели находилось уже три бунта сухарей, въ которыхъ считалось до 10 т. четвертей; сверхъ того, былъ еще одинъ бунтъ съ провіантомъ и приличнымъ количествомъ крупъ. Число людей, которыхъ слѣдовало помѣстить еще въ цитадели, состояло изъ 11 офицеровъ, 551 пажнихъ чиновъ, 42 малакановъ, 45 черводаровъ, 128 женщинъ, 76 дѣтей и 3-хъ купцовъ, выбѣжавшихъ изъ плѣна. Каждый имѣлъ при себѣ нѣкоторое имущество, и допустивъ это, цитадель, или лучше, 120 квадратныхъ шаговъ сдѣлались бы въ короткое время одною огромною кучей, которую защищать не было бы почти возможности. Большихъ трудовъ стоило мнѣ заставить думать всѣхъ единодушно, о возможности защищаться противъ многочисленнаго непріятеля и сродниться съ мыслию, что пожертвованія частныя необходимы для пользы общей. Ожидая скорой помощи изъ Пуры, разнородные жители Низоваго укрѣпленія жалѣли отдать на разграбленіе хищ-

никовъ своихъ лошадей и скотъ; они медленно заготавливали дрова, высчитывая труды и издержки, употребленные на ихъ заготовленіе, и наконецъ, вмѣсто того, чтобъ помогать иждивимъ воинскимъ чинамъ — начинать сѣномъ зданія форштата и приготовить ихъ къ пожару, что было необходимо для усиленія обороны цитадели, они заваливали въ своихъ домахъ выходы и окна, чтобъ не дать возможности и другимъ исполнить это приказаніе.

Не смотря на всѣ эти затрудненія, къ утру 11 числа мы были готовы встрѣтить непріятеля. Ровъ въ цитадели очищенъ; брустверъ по возможности исправленъ и обнесенъ колючкой; часть зданій форштата, людьми моей роты и коннаго транспорта, была приготовлена къ пожару, и наконецъ, лошадей и скотъ, казенный и частный, помѣстили подъ выстрѣлами, на площади между цитаделью и морскими воротами.

11-го числа, около восьми часовъ утра, показался непріятель; раздался первый нашъ пушечный выстрѣлъ, и съ тѣхъ поръ, до окончанія блокады, перестрѣлка прекращалась только темнотою ночи. Непріятель расположился вокругъ укрѣпленія и открылъ огонь.

За часъ до вечера того же дня, одинъ Татаринъ, подѣзжая къ воротамъ форштата, имѣя папахъ подвѣшымъ на ружьѣ, кричалъ, чтобы по немъ не стрѣляли. Караулъ привелъ его ко мнѣ:

это былъ посланный Магомета, кадія Акушинскаго, съ предложеніемъ о сдѣлѣ. «Гергебиль взять и Шура обложена Шамилемъ», сказалъ онъ, объявляя свое предложеніе: «въ Казіюртѣ съ «Евдокимовымъ войскъ мало; изъ Дербента по-«моши ожидать нельзя: тамъ одипъ ливейный ба-«таліонъ и сообщеніе перерѣзано. Кадій нашъ «имѣетъ здѣсь 6 т. мюридовъ, завтра привезутъ «одно орудіе, а послѣ завтра прійдутъ еще 6 т. «и другое орудіе; защищаться вамъ противъ та-«кихъ силъ бесполезно. А потому, кадій, по сво-«ему человѣколюбію, не желая напрасно губить «людей, предлагаетъ сдаться, обѣщая всѣмъ по-«щаду; въ случаѣ же упорства — жестокое нака-«заніе.» Чувство самосохраненія заставило его рассказать намъ, что онъ взятъ мюридами въ плѣнъ и очень расположенъ къ Русскимъ. Онъ кончилъ вопросомъ: «отпущу ли я его?» Толпы горцевъ безмолвно паблюдали, что будетъ съ ихъ посланнымъ. Оставивъ его на томъ же мѣстѣ подъ присмотромъ, я отвѣчалъ, что по окончаніи нѣкоторыхъ приготовленій къ защитѣ, онъ отправится къ кадію и объявитъ ему, что мы на-мѣрены защищаться до послѣдняго, — и немедленно отправилъ команду зажечь форштатъ.

Вскорѣ форштатъ задымился, караулы стяну-лись быстро, парламентаръ введенъ въ питатель и мостъ поднятъ. Толпы горцевъ, покровитель-ствуемые дымомъ и сумерками, хлынули на фор-

штатъ, и большая часть бросилась на лошадей и скотъ. Прорвавшееся пламя, въ загорѣвшихся зданіяхъ форштата, ярко освѣтило картину грабежа. Хищники, увлекаемые корыстью, подбѣгали очень близко къ цитадели и за дерзость платили жизнью. За часъ до свѣта, шумъ на форштатѣ умолкъ, и только караулы кой-гдѣ мелькали между пожаромъ, между тѣмъ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слышны были удары топоровъ. Такъ началась блокада Низоваго укрѣпленія.

На зарѣ 12-го числа, непріятель изъ Тарку потянулся на форштатъ. Часть его, занявъ ближайшія зданія къ цитадели, уцѣлѣвшія отъ пожара, пробила въ нихъ бойницы и открыла сильный и мѣткій огонь; другая же и большая часть принялась за устройство заваловъ изъ оставшихся дровъ. Еще въ продолженіе ночи непріятель собралъ, въ разныхъ открытыхъ мѣстахъ, огромныя кучи лѣса; расположившись за этими кучами и выдвигая постепенно въ право и въ лѣво отъ себя бревна, горцы устроили первоначально одинъ почти непрерывный завалъ, чрезъ который, перекидывая на нашу сторону заготовленный другими лѣсъ и фашипникъ, набрасывали новыя кучи лѣса; скрываясь за ними, они такимъ образомъ устраивали, подобно первому, второй завалъ ближе къ намъ, и т. д. Этими работами непріятель постепенно подвигался къ цитадели въ продолженіе всей бло-

кады, бывъ совершенно прикрытъ отъ нашего ружейнаго огня. Но за то ядра наши имъ сильно надоѣдали. Кромѣ этихъ работъ и перестрѣлки, Магометъ-кадій ничего не предпринималъ во весь день и слѣдующую ночь.

Изъ приготовленій къ блокадѣ видно, что въ дѣйствіяхъ нашихъ не было ни единодушія, ни совокупности: необходимъ былъ, для всѣхъ командъ, составлявшихъ гарнизонъ, одинъ общій начальникъ; очередь осталась за мной; я вступилъ въ командованіе цитаделью и тотчасъ отдалъ приказъ по гарнизону, чтобы гг. частные начальники во всемъ относились по службѣ ко мнѣ, и не дѣлали никакихъ распоряженій безъ вѣдома моего. Первою заботою моею, по припятіи командованія, было обезпечить себя на будущее время патронами и артиллерійскими зарядами, а также возвысить слишкомъ низкій валъ цитадели, невыгоду котораго день 12-го Ноября показалъ ясно, когда непріятельскіе стрѣлки засѣли на крышахъ уцѣлѣвшихъ зданій форштата. Огнестрѣльные припасы оказались надежны; но готовыхъ зарядовъ, ни пушечныхъ, ни ружейныхъ, достаточно не было. А потому всѣ патронщики моей роты, солдатскіе и малаканскіе дѣти, были посажены дѣлать холостые патроны; пули же должны были разлаваться на руки; солдатскія жены шили изъ мѣшковъ и разнаго холста картузы для артиллерійскихъ зарядовъ.

Въ продолженіе ночи на 13-е Ноября, весь валъ цитатели и батареи были обставлены стоймя кулями съ мукой, только съ промежутками для бойницъ; чрезъ это, брустверь поднялся выше на пять четвертей и мы могли безопасно ходить вокругъ вала.

13-го числа, до разсвѣта, огромныя толпы непріятельскія тянулись къ Тарку, а къ намъ на форштатъ везли на арбахъ фашишникъ. Когда насталъ день, то, къ сторонѣ Жидовской Слободы, шагахъ въ 300 отъ цитадели, замѣтна стала правильная насыпь; оттуда вскорѣ прилетѣло къ намъ первое непріятельское ядро, за нимъ другое, и горцы открыли довольно частую пушечную пальбу; по меткіе выстрѣлы съ нашей верхней батареи заставили непріятеля быть осторожнѣе; послѣ каждаго своего выстрѣла онъ долженъ былъ пригонять орудіе, и отъ-того пальба его сдѣлалась рѣдкою и неметкою. Батарея эта дѣйствовала по цитадели въ продолженіе всей блокады.

Передъ вечеромъ, съ сѣверной стороны поднялся вѣтеръ, усилившійся до того, что нѣкоторыя крыши были сорваны съ домовъ форштата и доски носились по воздуху. Непріятель воспользовался этимъ вѣтромъ и зажегъ колючку у форштата; вѣтеръ рвалъ огонь и бросалъ на нѣсколько саженей впередъ головни, которыя падали на бунты съ провіантомъ и пороховой погребъ; всю лѣвую половину цитадели заговило

дымомъ. Положеніе было затруднительное: одно средство было потушить огонь, вырубивъ впереди вала колючку. Подпоручикъ Канцовъ и нѣскольکو солдатъ моей роты вызвались исполнить это дѣло; они выпрыгнули въ ровъ съ шацковымъ инструментомъ и въ одну минуту колючка впереди вала была вырублена и выброшена за ровъ; непріятель, пользуясь сильнымъ дѣйствіемъ огня, прикрытый дымомъ и начинавшимися сумерками, съ ужаснымъ крикомъ бросился на цитадель, и когда огонь добѣжавъ до очищеннаго мѣста, погасъ, а дымъ въ одно мгновеніе пронесло вѣтромъ, то храбрѣйшіе изъ нихъ были у самага рва; картечь и меткій ружейный огонь остановили непріятеля. Въ этотъ день онъ понесъ значительную потерю.

Во время штурма у одного изъ нашихъ орудій треснула цапфа, а между тѣмъ приступъ горцевъ показалъ, что фасамъ цитадели, а въ особенности рву, необходимо дать фланговую оборону. Для исправленія этого недостатка, я рѣшился—три чугунные орудія, лежавшіе у пороховаго погреба, втащить на батарею и положить на подмости, что и было съ успѣхомъ исполнено, не смотря на темноту ночей, холодное, несчастное время и недостатокъ въ матеріалахъ.

Въ ночь на 14-е число непріятель подвезъ еще другое орудіе и поставилъ его въ церкви, шагахъ въ 70 отъ цитадели; съ разсвѣтомъ, онъ открылъ огонь; но намъ удалось обрушить въ церкви стѣ-

жу и тѣмъ заставить замолчать его на цѣлый день, въ продолженіе котораго, кромѣ устройства заваловъ, непріятель не предпринималъ ничего особеннаго. Ночью же на 15-е число онъ перетаскилъ орудіе изъ церкви въ форштатъ на курганъ и началъ опять стрѣлять по цитадели; но съ нѣсколькихъ выстрѣловъ, намъ удалось подбить его, и съ тѣхъ поръ орудіе это не являлось болѣе въ дѣло. Вѣтеръ съ моря далъ непріятелю случай еще разъ попытаться зажечь цитадель; для этого онъ зажегъ стоги сѣна, бывшіе за рвомъ форштата со стороны моря; но вѣтеръ скорѣ стихъ и предпріятіе горцевъ осталось безъ успѣха.

Въ этотъ же день, три казака, изъ числа прибывшихъ съ Буйнакскаго поста, явились ко мнѣ съ просьбою отпустить ихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чтобъ передать вѣсть о нашемъ положеніи. Расчитывая невозможность исполнить это по многочисленности непріятеля, и зная, что казаки не говорятъ по Татарски, я любопытствовалъ спросить ихъ: «Какія имѣютъ они средства пробраться въ Шуру?» они отвѣчали: «ночи теперь такъ темны, что можно незамѣченнымъ проползти мимо непріятельскихъ часовыхъ, а если два изъ насъ и погибнутъ, то, можетъ быть, третьему удастся увѣдомить начальство.» Поблагодаривъ ихъ за столь отважную рѣшимость, я отказалъ однако же въ просьбѣ: при ежедневной убыли людей, каждый человѣкъ былъ для меня дорогъ, и тѣмъ

болѣе люди съ такимъ храбрымъ самопожертвованіемъ.

Въ ночь на 16-е число я положилъ послѣднія орудія на подмости. У непріятеля же, во всю ночь, слышанъ былъ скрипъ прѣзжающихъ и отѣзжающихъ арбъ. Утромъ мы увидѣли огромныя кучи заготовленныхъ фашипъ и шесть катковъ, медленно подвигавшихся къ намъ, каждый въ діаметрѣ въ ростъ человѣка, а длина могла прикрыть отъ восьми до десяти человѣкъ, поставленныхъ ряломъ. Телеги воловьего и коннаго транспорта, были снаты съ колесъ и между ящиками засѣло множество мюридовъ. Нѣсколько выстрѣловъ картечью изъ вновь устроенной батареи разогнали ихъ, а катки подвигались впередъ. Выстрѣлы наши противъ нихъ были первоначально неудачны; но залпъ изъ трехъ орудій по ближайшему катку разорвалъ его, уничтоживъ потомъ еще три; мюриды изъ-за остальныхъ двухъ бѣжали, не дожидая новыхъ залповъ, и попытка ихъ осталась напрасною. Непріятелей въ этотъ день значительно уменьшилось.

Передъ вечеромъ, мюриды, разговаривая съ солдатами, совѣтовали имъ убить офицеровъ и сдаться, обѣщая пощаду; въ противномъ же случаѣ — мучительную смерть по взятіи укрѣпленія. Солдаты отвѣчали на это ругательствомъ.

17-го числа, около 9 часовъ утра показался непріятель въ огромныхъ толпахъ по дорогѣ изъ

Буйнакъ въ Тарку; не много спустя, со всѣхъ крышъ города и Жидовской Слободы начали стрѣлять залпами, а чрезъ полчаса отъ деревни Куртумъ-Кале выѣхалъ длинный строй непріятельской кавалеріи въ бѣлыхъ чалмахъ, и, не дожидая къ Жидовской Слободѣ саженьей на 100, сдѣлалъ цѣлымъ фронтомъ залпъ. Это была помощь, присланная Шамилемъ, который въ это время былъ въ Казанипахъ. Узнавъ изъ донесенія Магомета Кадія, что Шахмальцы и Акушипцы, отъ ежедневныхъ потерь, теряютъ охоту взять Низовое укрѣпленіе, прислалъ тысячу человѣкъ отборнѣйшихъ мюридовъ, чтобъ возбудить въ нихъ упавшій духъ. Не прошло часа по прибытіи этой помощи, какъ мюриды, оставивъ въ селеніи лошадей, бросились въ завалы и работа закипѣла. Не смотря на убійственный съ нашей стороны огонь, они не прекращали работы цѣлый день. Потеря ихъ была однако же въ этотъ день огромна: это доказывалось тѣмъ, что отъ начала работъ и до самыхъ сумерковъ выносили и выводили раненыхъ за форштатъ. Въ нашемъ укрѣпленіи, женщины и дѣти, видя такое упорство непріятеля, пришли въ отчаяніе.

Передъ вечеромъ фельдфебель моей роты Андрей Грачевъ просилъ позволеніе сдѣлать ночью вылазку съ 50-ю человѣками охотниковъ, съ тѣмъ, чтобы выгнать непріятеля изъ заваловъ и зажечь ихъ; я не позволилъ: согласиться на это, значило

послать 50 человекъ на вѣрную гибель и лишить укрѣпленіе, въ минуту самую рѣшительную, лучшихъ его защитниковъ.

Всю ночь непріятель устраивалъ завалы; я же, съ своей стороны, въ ожиданіи на другой день штурма, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: полтора ста мѣшковъ, набитыхъ порохомъ, были положены на валѣ, съ тѣмъ, чтобы въ то время, когда непріятель будетъ лѣзть на брустверь, бросать мѣшки въ ровъ и взрывать ихъ, для чего невооруженныхъ людей было достаточно. Въ паркѣ было послано приказаніе взорвать порохъ, въ то время, когда не будетъ уже возможности выгнать непріятеля, занявшаго цитадель. Раненые положены на крышу порохового погреба; дѣтямъ и женщинамъ приказано собираться туда же.

Въ ночь на 18 Ноября, непріятель подвинулъ къ намъ свои завалы шаговъ на 35-ть; противъ ближайшаго изъ нихъ я приказалъ построить батарею изъ кулей, пересыпая ихъ землею (*). Ожидая рѣшительнаго и, можетъ быть, послѣдняго боя, я старался объяснить всѣмъ, въ особенности малаканамъ, что когда намъ удастся отбить непріятеля, то второй разъ штурмовать онъ, вѣроятно, не рѣшится, а къ намъ скоро подоспѣетъ помощь; но если же непріятель возьметъ цитадель

(*) Во время этой работы, бунтъ, изъ котораго брали кули, обвалялся и задавилъ двухъ черподаровъ.

то, судя по его ожесточенію, плѣна для насъ ожидать нельзя, а если оставленъ будетъ въ живыхъ Христіанинъ, то мюриды заставятъ его принять магометанскую вѣру. На это старшина ихъ отвѣчалъ мнѣ: «Нѣтъ родной, лучше погибнуть всѣмъ, чѣмъ даваться въ полонъ этимъ бусурманамъ», и, обратясь къ своимъ, сказалъ: «пойдемъ-ка ребята, приберемся». Насадивъ косы и топоры на древки, они расположились между стрѣлками. Но непріятель не предпринималъ ничего рѣшительнаго въ этотъ день.

Наконецъ, 19-го числа, на зарѣ, непріятельскіе завалы были уже доведены шаговъ на 20 отъ рва. Перестрѣлка, какъ обыкновенно, началась съ разсвѣтомъ. Около 8 часовъ утра послышался къ сторонѣ Озени дальній пушечный выстрѣлъ; вслѣдъ за тѣмъ раздался болѣе сильный выстрѣлъ, потомъ третій и показался дымокъ. Мы вздохнули легче. Низовое было спасено.

Вскорѣ заблестали штыки и показались колонны: это былъ отрядъ Генерала Фрейтага. Непріятель быстро двинулся изъ форштата Жидовской Слободы и изъ Тарку, на встрѣчу къ подходившимъ Русскимъ войскамъ. Генералъ Фрейтагъ производилъ искусное движеніе и старался увлечь толпы горцевъ на равнину къ морю. Непріятель вдался въ обманъ и потерпѣлъ сильное пораженіе. Все потянулось изъ Тарку къ морю, а мы провожали ихъ прощальными ядрами. Въ это время на фор-

штатѣ осталось нѣсколько человѣкъ мюридовъ, старавшихся взять значки, расставленные въ раз-
ныхъ мѣстахъ; по усиленный огонь на эти пунк-
ты съ нашей стороны, помѣшалъ имъ это испол-
нить, и значки, числомъ до двѣнадцати, доста-
лись въ руки пришедшему отряду.

Со времени поднятія моста до минуты освобож-
денія Низоваго укрѣпленія, всѣ, находившіеся въ
цитадели, старались, чѣмъ кто могъ, вспоможе-
ствовать общему дѣлу въ оборонѣ. При началѣ
же, пока неосвоились съ своимъ положеніемъ и
опасностями, нѣкоторые тревожились будущно-
стію; но на третій и въ послѣдующіе дни во
всѣхъ поселилась увѣренность въ своихъ силахъ
и уже равнодушно смотрѣли на озлобленные тол-
пы горцевъ. Считаю долгомъ упомянуть, что кон-
наго транспорта штабсъ-капитанъ Болотниковъ
былъ надежнѣйшимъ моимъ помощникомъ во все
время блокады. Его равнодушіе къ опасностямъ
(онъ начальствовалъ правымъ и заднимъ фасама и,
не взирая на полученную сильную контузію, не
переставалъ находиться тамъ, гдѣ его присутствіе
было нужно), возбуждало и въ нижнихъ чинахъ
примѣрную храбрость и отважность.
